

Olga M. Mladenova

Russian as a Second Language

Anthology of Reading Materials: From the First Romanovs to Stalin

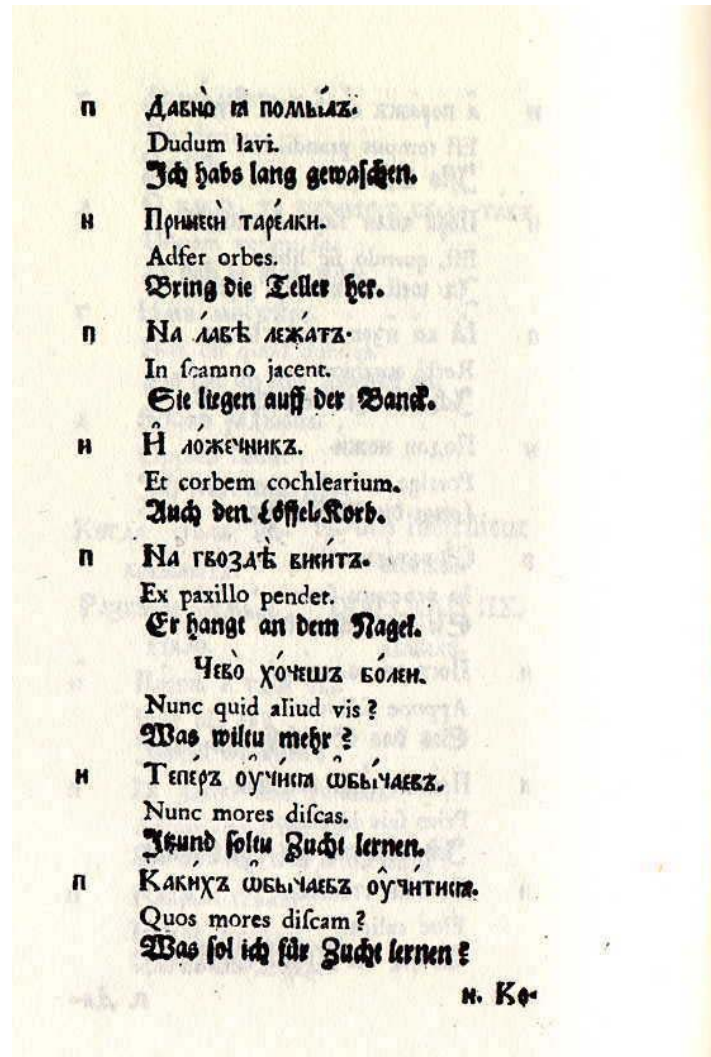
- ▶ 1635-1648 [Speaking a second language]
- ▶ 1706 [Table etiquette]
- ▶ 1827 On rudeness and politeness
- ▶ 1870 Russia
- ▶ 1872 Foreigners' opinion about Russia
- ▶ 1888 Church
- ▶ 1898 Sowing
- ▶ 1898 The Russian soldier
- ▶ 1902 Work until you sweat and you'll eat with appetite
- ▶ 1926 Potatoes
- ▶ 1933 Building socialism is our common goal
- ▶ 1933 Foreign languages to the masses
- ▶ 1938 An episode from Soviet everyday life
- ▶ 1938 On Russian predestination
- ▶ 1938 Moscow patricians
- ▶ 1938 On Northern folklore
- ▶ 1940 The victory of Cyrillic
- ▶ 1940 Foreign elements in language
- ▶ 1945 Signal
- ▶ 1945 Lenin at a hunt
- ▶ 1952 At the frontier
- ▶ 1952 We are building socialism
- ▶ 1952 Our plant

1635-1648

Source: Sørensen, H. C. *Ein Russisches Handschriftliches Gesprächbuch aus dem 17. Jahrhundert*. København: Aarhus Stiftsbogtrykkerie, 1962, 30-31.

- Маря А́нна, что ты́ не весела́? Не проговоришь ты ничего.
- Анна Что мнѣ говори́ть? Лутчи мнѣ нишкнѹти нижели худое говори́ть, яз не умѣю по-фра́нцуски говори́ть, и яз для ра́ди того молчу.
- Маря Чт́о ты говори́шь, ты столко же умѣеш что и яз, да́ и лѹтчи.
- Анна Нѣтъ, госуда́рыня, яз гораздо хотѣла, хотя б мнѣ в' д'вать золотых ста́ло.
-

Source: Unbegaun, B.O. *Drei russische Grammatiken des 18. Jahrhunderts. Nachdruck der Ausgaben von 1706, 1731 und 1750 mit einer Einleitung.* München: Wilhelm Fink Verlag, 1969.

- и Котѡрѣхъ приѡлѣ держатица.
Quos in mensa serves.
Die du an dem Tische brauchen solt.
- п Прошѣ тебѣ на оучѣ мени.
Rogo me doceas.
Ich bitte dich lehre mich.
- и Добрахотнѣ се сотворю. Забѣлаю.
Perlubens hoc faciam.
Das wil ich gerne thun.
- п Я прилежно помышляю.
Ego auscultabo.
Ich wil fleißig darauff mercken.
- и Не мѣшай мнѣ теперѣ.
Ne me interpella.
Red mir nichts dargwischen.
- п Не рекѡ и слова.
Haud verbum faciam.
Ich wil kein Wort reden.
- и Первѣи ногти ѡберѣжз.
Primò ungues purga.
Erstlich reinige die Nägel.
- п Потомъ помыи рѣки.
Hinc manus lava.
Darnach wasche die Hände.

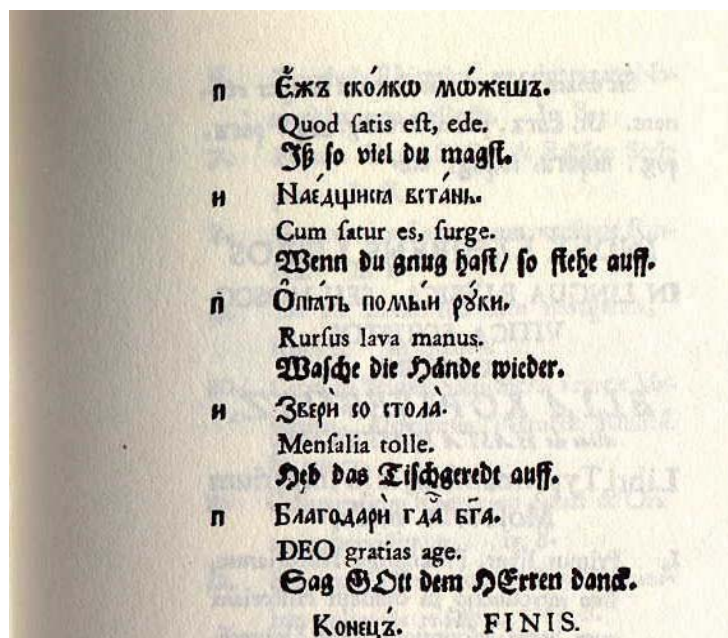
и Бла-

- и БЛАГОСЛОВИ ГДА БГА.
Mox Deo benedicas.
Als denn sprich das Benedicite.
- п НАПОТОМЪ ОБЪЧАНО СЯДЪ.
Post decenter accumbe.
Darnach sey dich sein züchtig nieder.
- и ЪСТЕЗЪ БЕРИ ПЕРСТАМН.
Cibum carpe digitis.
Die Speiß greiff mit den Fingern an.
- п НЕ ИСПЯТЫВАН БЗ ЖМЪНЮ.
Nec conde vola:
Nicht saß in die Faust.
- и ПЕРВЪНЪ ЕСТЬ НЕ НАЧИНАН.
Primus ne esto esu.
Nicht sey der erste mit essen.
- п НИЖЕ ПЕРВЫН ПИИ.
Nec primus bibe.
Trinck auch nicht zum ersten.
- и ЛОКТЕМЪ НЕ ПОДПИРАЮСЯ.
Cubito ne te fulceas.
Nicht stütz dich auff den Elbogen.
- п ПРѢМО СЕДИ.
Erectus fede.
Sie auffgericht.

- и РѢКЪ НЕ РОЗПОСТИРАИ.
Nec pandes brachia.
Und breitt die Arm nicht aus.
- п Не пѣи ѣз похотѣю:
Non bibe avidê.
Nicht trink begierlich.
- и Не ѣжз лакомоу.
Nec mande avidê.
Auch laue nicht geizig.
- п Бери что блиско тебѣ.
Proxima te care.
Nimm das Nächste für dir.
- и На тарелце долго недержи.
In orbe ne morare.
Setze dich nicht auff dem Teller.
- п На иныхъ не смотри.
Alios ne inspicito.
Sehe die Leut nicht an.
- и Какъ станешъ пить оутри оуста.
Bibiturus os terge.
Wisch den Mund wenn du trinken
wilt.
- п Не рѣкою рѣчникомъ.
Non manu, sed mappula.
Nicht mit der Hand/sondern mit dem
Tuch. и. Оу-

- п Оукѣиши ѡпять неомочаи.
Morsa ne retinge.
Das Gebissen iunct nicht wieder ein.
- н Пертоѡъ нелижи.
Ne linge digitos.
Nicht lecke an den Fingern.
- п Когѣи не грызи.
Nec ossa rode.
Nage auch kein Bein.
- н Вѣдѣишъ ножомъ рѣжзъ, крои.
Quæque scinde cultro.
Ein jedes mit dem Messer schneid.
- п Рта, (оуѣтз) немажзъ.
Os non perungas.
Besmier den Mund nicht.
- н Перты чѣсто оутиран.
Digitos sæpè terge.
Die Finger tructne off.
- п Вз нортъ не долби.
Nares ne fode.
Nicht fahre in der Nase.
- п Молчи коли тебѣ не спрашиваютъ.
Non rogatus tace.
Schweig weil man dich nicht fragt.

п. Ежз

1827

Source: Margella S. *Rossijsko-rumynskaja grammatika*. Kn. 1-2. Sanktpeterburg: Tipografija Departamenta narodnogo prosveščeniya, 1827, 203-214.

Разговор 35. О грубости и вежливости

А. говорит с Б.

А. Приметили ли вы, сударь, этого человека, который возле вас сидел?

Б. Вы конечно говорите Б. о Бодоиле?

А. Так, сударь, об нем; он всю компанию привел в соблазн; прохожу молчанием его невежество, скупость и злобу; но я во всю жизнь мою не видал человека, который бы себя так худо вел. Входя в комнату, он едва ли кому кланялся. Он дурно причесан был; и притом тотчас начал в голове чесать. Просили его сесть, и он сел, но все чесался. По рукам его видно было, что он целую неделю не умывался. Вставая со стула, он опрокинул его с великим шумом. Он чуть не наплевал одной даме на платье. А как Г. Бодоил забыл свой платок, то заигрывал часто носом самую неприятную музыку, и наипаче во время стола.

Б. Возможно ли, фу, как это стыдно! вот следствия худаго воспитания! теперь всякой терпит от него. Он достоин сожаления, если его родители не могли его воспитать хорошо, но ежели он низкаго происхождения, то часто подобные ему невежливы, поелику они худо воспитаны с самого своего рождения.

А. Однако нередко по обстоятельствам они получают хорошее воспитание; а иногда их природныя дарования преодолевают все препятствия их слепой судьбы; и это им делает самую большую честь, и отличает их между другими людьми. Возвратимся к Г. Бодоилу. За столом он так прямо сидел как мешок. Как поднесли ему блюдо, то он выбрал, все что ему по вкусу было; и притом очень медленно. Что касается до салфетки, то с начала уронил ее под стол; а чтоб обтереть губы, он употреблял пальцы и теми же пальцами брал часто мясо с тарелки. Только его голос слышен был за столом: “я не хочу сего, я не люблю этого”; но когда он находил что нибудь по своему вкусу, то не ел, а жрал; от того он и обжег себе рот, евши суп, которой ему очень нравился. Притом на скатерть опрокинул стакан меду, и другой разбил; а барыне, которая по нещастию сидела подле его, попала вся горчица на платье.

Б. Так для того Господа и Госпожи взглядывали друг на друга и на ухо шептали!

А. Вы угадали: при закусках его бесстыдство еще гораздо далее простерлось; вам известно, что плоды нынче очень редки; подали несколько абрикосов и персиков на фарфоровой тарелке. Лишь только он их увидел, то схватил, и положи жадно несколько в карман, чуть тарелку не уроним на пол.

Б. Таким же образом он вел себя на последнем бале, которой Граф К. давал дворянству и как он приметил, что уже есть более нечего, то один встал из за стола, и тем избавил честных людей от наглаго человека, заслуживающего быть выгнанным.

А. После стола он играл в карты, но те которые знают его хорошо, не только смеялись между собою, но и негодовали, замечая как он бессовестно плутовал; а другим совершенно вскружил голову, крича и споря со всеми.

Б. Какой срам! но говорят, что его дурные поступки принудили его отказаться от карт. Притом безобразие его лица, и его угрюмый, свирепый и дикий вид всех заставляет страшиться, или смеяться во все горло.

А. Какая разница между сим грубым господином и молодым Аристом! с какою, учтивостию он сидел за столом! он тогда только говорил, когда его спрашивали. Ответы его были скромны, и разумны; он имел на себе

простое платье, но чрезвычайно чистое; словом сказать добронравный Арист своими ласковыми и похвальными поступками нас привел до того, что мы забыли грубости гнусного Бодоила.

Б. Вы видите из его примера, что учтивость составляет истинную приятность общества; и что она вернейшая дорога для приобретения дружбы честных людей.

1870

Source: Baljasnyj N. *Samoučitel' russkogo jazyka dlja umejuščix čitat' po-pol'ski. Rukovodstvo k izučeniju jazyka bez posobija učitelja. S priloženiem obrazcov literaturnogo i delovogo sloga.* Varšava: Pečatnja Gol'dmana, 1870, 9-13.

Россия

Посмотрите на географическую карту России: что за огромное государство. Оно простирается до 400,000 квадр. миль.

Такого обширного никогда не бывало на свете. Оно во все стороны раскинулось так далеко, что ему приходится вести дела с чрезвычайно различными народами. Вот тут на севере – Россия граничит с Северным океаном или Ледовитым морем. На востоке – с Восточным океаном, или Тихим, в который упирается Сибирь. На юге – под ногами ея, Китайская империя, откуда доставляется чай; вот там же, лежит на юге, недалеко от Индии, нетак давно покоренный Туркестан; немного ближе к нам Бухара, Хива, земли подвластных России кочующих Киргизов, Каспийское море и Персия; границей ея и нашей земли гора Арарат, та самая, на которой остановился Ноев ковчег. На юге же России еще лежит азиатская Турция и Черное море, котораго большая половина принадлежит России, и чрез которое путешествуют в Цареград (Константинополь), а оттуда в Иерусалим; с Черным морем соединяется Азовское море. К южной же части европейской России примыкает и европейская Турция, в которой живет много славян. На западе Россия граничит – с Австриею, большая часть которой населена славянами, Пруссиию, Балтийским морем и Швециею.

В России считается до 80 миллионов жителей. Кроме русских, многочисленнейшаго и господствующаго народа в Империи, в нашем обширном государстве живет небольшое число иноплеменников, соотечественников наших, говорящих разными языками. Языков своих соотечественников всех не узнаешь, хоть учись целую жизнь! Но живущим

на русской земле нашим соотечественникам, неизбежно приходится вести с русским народом разные домашние и торговые дела, а также пользоваться распоряжениями правительства, издающимися на русском языке. Отсюда вытекает видимая потребность в изучении русского языка.

Бог даст со временем, когда еще больше будет проложено железных дорог, крепких и ровных, да заведут побольше училищ и станут учиться все, – тогда все и перезнакомятся, подружатся, изучат русский язык, язык главного и многочисленного племени русского царства, будут все понимать друг друга, а понимая, и полюбят. Да и естественнее, и легче, чтобы все учились одному, общему языку в государстве, нежели чтобы каждый учился языкам двадцати: времени не достанет! А жить в одном государстве и не понимать друг друга – не понимать языка господствующего народа, уже собравшего так много плодов ума и знаний – ни на что непохоже.

1872

Source: Šafranov, S. & I. Nikolič. *Russkaja xrestomatija dlja upotreblenija v učiliščax pribaltijskix gubernij. Čast' pervaja*. Izdanie tret'ej knigi peresmotrennoj i uveličennoj. Proza. Revel': Izdanie Franca Kluga, 1972, 63-68.

10. Мнѣніе иностранцевъ о Россіи.

Въ Европѣ стали много говорить и писать о Россіи: оно и не удивительно. У насъ такъ много говорятъ и пишутъ о Европѣ, что Европейцамъ хотъ изъ вѣжливости слѣдовало заняться Россіею. Всѣмъ русскій путешественникъ, возвращаясь изъ-за границы, спрашиваетъ у своихъ знакомыхъ домохозяевъ: „читали ли они, что на-

писалъ о насъ лордъ такой-то, маркизъ такой-то, книгопродавецъ такой-то, докторъ такой-то?“ Домосѣдъ, разумѣется, всегда отвѣчаетъ, что не читалъ. — „Жаль, очень жаль, прелюбопытная книга: сколько новаго, сколько умнаго, сколько дѣльнаго? Конечно есть и вздоръ, многое преувеличено: но сколько правды! — Любопытная книга!“ Домосѣдъ спрашиваетъ объ содержаніи любопытной книги, и выходитъ на повѣрху, что лордъ насъ отдѣлалъ такъ, какъ бы желалъ отдѣлать ирландскихъ крестьянъ; что маркизъ поступаетъ съ нами, какъ его предки съ виленями¹⁾; что книгопродавецъ обращается съ нами хуже, чѣмъ съ сочинителями, у которыхъ онъ покупаетъ рукописи, а докторъ насъ уничтожаетъ пуще чѣмъ своихъ больныхъ. И сколько во всемъ этомъ вздора, сколько невѣжества! Какая путаница въ понятіяхъ и даже въ словахъ, какая безстыдная ложь, какая пагубная злоба! По неволѣ родится чувство досады, по неволѣ спрашиваешь: на чемъ основана такая злость? чѣмъ мы се заслужили? Вспомнишь, какъ того-то мы спасли отъ неизбежной гибели, какъ другаго, поработеннаго, мы подняли, укрѣпили, какъ третьяго, побѣдивъ, мы спасли отъ мщенія, и т. д. Досада намъ позволительна; но досада скоро смѣняется другимъ, лучшимъ чувствомъ — грустію истинной и сердечной. Въ насъ живетъ желаніе человѣческаго сочувствія, въ насъ безпрестанно говорятъ теплое участіе къ судьбѣ нашей иноземной братіи, къ ея страданіямъ такъ же, какъ къ ея успѣхамъ; къ ея надеждамъ такъ же, какъ къ ея славѣ. И на это сочувствіе, и на это дружеское стремленіе мы никогда не находимъ отвѣта: ни разу слова любви и братства, почти ни разу слова правды и безпристрастія. Всегда одинъ отзывъ — насмѣшка и ругательство; всегда одно чувство — смѣшеніе страха съ презрѣніемъ. Не того желалъ бы человѣкъ отъ человѣка.

Трудно объяснить эти враждебныя чувства въ западныхъ народахъ, которые развили у себя столько сѣмянъ добра и подвинули такъ далеко человѣчество по путямъ разумнаго просвѣщенія. Европа не разъ показывала сочувствіе даже съ племенами дикими²⁾, совершенно чуждыми ей и не связанными съ нею никакими связями кровнаго или духовнаго родства. Конечно, въ этомъ сочувствіи высказывалось все таки какое-то презрѣніе, какая-то аристократическая гордость крови, или, лучше сказать, кожи; конечно, Европеецъ, вѣчно толкующій о человѣчествѣ, никогда не доходитъ вплоть до идеи человѣка; но все-таки, хоть изрѣдка, высказывалось сочувствіе и какая-то способность къ любви. Странно, что Россія одна имѣетъ какъ будто бы привилегію пробуждать худшія чувства европейскаго сердца. Кажется, у насъ и кровь индо-европейская, какъ и у нашихъ западныхъ сосѣдей, и кожа индо-европейская (а кожа, какъ извѣстно, дѣло великой важности и совершенно

измѣняющее всѣ нравственныя отношенія людей другъ съ ³⁾ другомъ), и языкъ индо-европейскій, да еще какой! самый чистѣйшій и чуть-чуть не индійскій; а все таки мы своимъ сосѣдямъ не братья. Не-доброжелательство къ намъ другихъ народовъ очевидно основывается на двухъ причинахъ: на глубокомъ сознаниі различія во всѣхъ началахъ духовнаго и общественнаго развитія Россіи и западной Европы, и на невольной досадѣ передъ этою самостоятельною силою, которая потребовала и взяла всѣ права равенства въ обществѣ европейскихъ народовъ. Отказаться намъ въ нашихъ правахъ они не могутъ: мы для этого слишкомъ сильны; но и признать наши права заслуженными они также не могутъ, потому что всякое просвѣщеніе и всякое духовное начало, не успѣвъ еще проникнутья человѣческою любовью, имѣютъ свою гордость и свою исключительность. Поэтому полной любви и братства мы ожидать не можемъ, но могли бы и должны ожидать уваженія. Къ несчастію, если только справедливы рассказы о новѣйшихъ отзвухъ европейской литературы, мы и того не приобрѣли. Не рѣдко насъ посѣщаютъ путешественники, снабжающіе Европу свѣдѣніями о Россіи. Кто побудетъ мѣсяцъ, кто три, кто (хотя это очень рѣдко) почти годъ, и всякій, возвратясь, сѣбѣ пишетъ и словесно, и печатно. Иной пожить, можетъ быть, болѣе года, даже и нѣсколько годовъ, и разумѣется, слова такого оцѣнщика уже внушаютъ безконечное уваженіе и довѣренность. А гдѣ же пробылъ онъ во все это время? по всей вѣроятности въ какомъ нибудь тѣсномъ кружкѣ такихъ-же иностранцевъ, какъ онъ самъ. Что видѣлъ? вѣроятно одинъ какой-нибудь приморскій городъ, а произноситъ онъ свой приговоръ, какъ будто бы ему извѣстна вдоль и поперекъ вся наша безконечная, вся наша разнообразная Русь?

Къ этому надобно еще прибавить, что почти ни одинъ изъ этихъ европейскихъ писателей не зналъ даже русскаго языка, не только народнаго, но и литературнаго, и слѣдовательно не имѣлъ такой возможности оцѣнить смыслъ явленій современныхъ, такъ, какъ они представляются въ глазахъ ⁴⁾ самого народа; и тогда можно будетъ судить, какъ жалки, какъ ничтожны бы были данныя, на которыхъ основываются всѣ эти приговоры, еслибы дѣйствительно они не основывались на другой данной, извиняющей отчасти опрометчивость иностранныхъ писателей, — именно на собственныхъ нашихъ показаніяхъ о себѣ. Еще прежде чѣмъ иностранецъ побываетъ въ Россіи, онъ уже узнаетъ ее по множеству нашихъ путешественниковъ, которые такъ усердно мѣряютъ большія дороги всей Европы съ равною пользою для просвѣщенія Россіи вообще и для своего просвѣщенія въ особенности. Вотъ первый источникъ свѣдѣнія Европы о Россіи. Я очень далекъ отъ того, чтобы отвергать пользу и даже необходимость путешествій. Много прекраснаго, много истинно человѣческаго скрывается

въ этой, по видимому пустой и безплодной потребности одного народа — поглядѣть на житье-бытье другихъ народовъ, побесѣдовать съ ними у нихъ самихъ, поприлунаться къ ихъ живому слову и къ движенію ихъ живой мысли: но не все же хорошо въ путешествіяхъ. Въ иныхъ отношеніяхъ, можно сказать, что путешественникъ хуже домошда. Его существованіе односторонне и носитъ на себѣ какой-то характеръ эгоистическаго самодовольства. Онъ смотритъ на чужую жизнь, — но живетъ самъ по себѣ, самъ для себя; онъ проходитъ по обществу, но онъ не членъ общества; онъ двигается между народами, но не принадлежитъ ни къ одному. Онъ принимаетъ впечатлѣнія, онъ наслаждается всѣмъ, что удобно, или добро, или прекрасно, — но самъ онъ не внушаетъ сочувствія и не трудится въ общемъ дѣлѣ, безпрестанно совершаемомъ всѣми около него. Разумѣется, я исключаю изъ этого опредѣленія тѣхъ великихъ двигателей человечества, которые переносятъ или переносили съ собою изъ края въ край какую-нибудь высокую мысль, какое-нибудь плодотворное знанье, и были благодѣтелями странъ, ими посѣщенныхъ. Такіе люди бывали, да много ли ихъ? Вообще польза и достоинство путешествія проявляются послѣ возвращенія странника на родину, а въ самое время своего странствованія онъ носитъ на себѣ характеръ эгоистической односторонности и въ это время служить плохимъ мѣриломъ для достоинства своего народа. Къ тому-же надобно прибавить еще другое замѣчаніе: нравственное достоинство человека высказывается только въ обществѣ, а общество есть не то собраніе людей, которое насъ случайно окружаетъ, — по то, съ которымъ мы живемъ за одно. Плодотворное сочувствіе общества вызываетъ наружу лучшія побужденія нашей души, плодотворная строгость общественнаго суда укрѣпляетъ наши силы и сдерживаетъ худшія наши стремленія. Путешественникъ вѣчно одинокъ въ безсиліи своего личнаго произвола. Веселый разгулъ его эгоистической жизни не долженъ послужить обращеніемъ для сужденія объ общемъ достоинствѣ его домашней жизни; но не всѣмъ же приходитъ эта мысль на умъ, а между тѣмъ, какъ онъ гуляетъ по чужимъ краямъ (какъ крестьянинъ, заѣхавшій на далекую ярмарку, гдѣ его никто не знаетъ и всѣ ему чужіе), земля, въ которой онъ гоститъ, произноситъ судъ надъ нимъ и по немъ надъ его народомъ. Разумѣется, такая ошибка возможна только въ сужденіи о народахъ совершенно неизвѣстныхъ; да развѣ Россія и неизвѣстная земля? Смѣшно бы было, еслибы ктонибудь изъ насъ сталъ утверждать, что Россія сравнялась съ своей западной братією во всѣхъ отрасляхъ, или даже въ какой-нибудь отрасли внѣшняго образованія — въ искусствахъ-ли, въ наукахъ-ли, въ удобствахъ или щеголеватости житейскихъ устройствъ. Поэтому благоговѣніе, съ которымъ Русскій проходитъ всю Европу, — очень пошито. Смирненно

и съ преклоненною головою посѣщаетъ онъ западныя святилища всего прекраснаго, въ полномъ сознаніи своего личнаго и нашего общаго безсилія. Скажу болѣе: есть какое-то радостное чувство въ этомъ добровольномъ смиреніи. Конечно многіе изъ нашихъ путешественниковъ заслужили похвалу и доброе мнѣніе въ чужихъ земляхъ; но на выраженіе этого добраго мнѣнія они всегда отвѣчали съ добродушнымъ сомнѣніемъ, не вѣря сами своему успѣху. Рѣдкій, и тотъ разумѣется хуже другихъ, принималъ похвалу какъ должную дань и, возрастая мгновенно въ своихъ собственныхъ глазахъ на необъятную вышицу, благодарилъ своихъ снисходительныхъ судей съ гордымъ смиреніемъ, которое какъ будто говорило: „да, я знаю, что я человѣкъ порядочный, я исполнилъ вѣрю вашимъ словамъ; но Боже мой! какого стоило мнѣ труда, сдѣлаться такимъ, какимъ вы меня видите! изъ какой глубины я выросъ! изъ какого народа я вышелъ!“ Впрочемъ эти примѣры рѣдки; и должно сказать вообще, что русскій путешественникъ, какъ представитель всенароднаго смиренія, не исключаетъ и самого себя. Въ этомъ отношеніи онъ составляетъ рѣзкую противоположность съ англійскимъ путешественникомъ, который облачаетъ безобразіе своей личной гордости какою то святостью гордости народной. Смиреніе, конечно, чувство прекрасное, но къ стыду чело-вѣчества надобно признаться, что оно мало внушаетъ уваженія, и что Европеецъ, собираясь ѣхать въ Россію и любезничавъ съ нашими путешественниками, не запасается ни малѣйшимъ чувствомъ благоговѣнія къ той странѣ, которую онъ намѣренъ посѣтить. И вотъ онъ пріѣхалъ въ Россію, и вотъ онъ заговорилъ со всѣмъ нашимъ образованнымъ обществомъ. Принятый ласково и радушно, онъ сталъ прислушиваться къ нашимъ откровеннымъ рѣчамъ, и услышалъ то-же самое, что слышалъ за границею отъ путешественниковъ. То, что было за границею выраженіемъ невольнаго благоговѣнія передъ дивными памятниками другихъ народовъ, является уже въ Россіи не только какъ выраженіе невольнаго чувства, но и какъ дѣло утонченной вѣжливости. Не хвастаться же дома! Впрочемъ я очень отъ того далека, чтобы роптать на нашу народную скромность. Это чувство прекрасное, благородное, высокое; строгій судъ надъ собою возвышаетъ народъ такъ же, какъ онъ возвышаетъ чело-вѣка. Благоговѣніе передъ всѣмъ великимъ облачаетъ сочувствіе со всѣмъ великимъ и обѣщаетъ великое въ будущемъ. Избави Богъ отъ людей самодовольныхъ и отъ самодовольства народнаго; но надобно при-знаться, что всякая добродѣтель имѣетъ свою крайность, въ которой она становится нѣсколько похожею на порокъ. Быть можетъ, мы впадаемъ иногда и въ эту крайность, которая, безъ сомнѣнія, лучше самохвальства, но все таки не заслуживаетъ похвалы и унижаетъ насъ въ глазахъ западныхъ народовъ. Наша сила внушаетъ зависть, соб-

ственное признание въ нашемъ духовномъ и умственномъ беспорядкѣ лишаетъ насъ уваженія: вотъ объясненіе всѣхъ отзывовъ запада о насъ.

¹⁾ Французское слово, означаетъ тоже, что крестьянинъ. ²⁾ Употребительные дательный и. съ предлогомъ къ. ³⁾ вм. другъ къ другу. ⁴⁾ вм. представляются глазамъ.

1888

Source: Meves D. V. *Kniga dlja čtenija i praktičeskix upražnenij v russkom jazyke. Rukovodstvo dlja narodnyx škol s russko-latyšskim slovarem.* Izdanie vtoroje, dopolnennoe i ispravlennoe. Riga: Izdanie N. Kimmelja, 1888, 36-37.

Церковь

Когда ты въезжаешь в село, что прежде всего тебе бросается в глаза? – Церковь!

Стоит она выше всех домов, ни на один дом она не похожа. Ни в один дом не пойдут миряне всего села, а в церкви место для всех есть: и старому у малому, и богатому и бедному, и здоровому и больному. Все равно предстоят пред Господом.

В церкви тебя крестили, в церковь тебя принесут, когда отдашь душу Богу. Близко церкви тебя похоронят. Словом, что бы важнаго в твоей жизни ни случилось, во всём тебе помогает церковь. И не тебе одному; посмотри, вокруг церкви лежат отцы твои, деды и прадеды. Все они в церкви крестились, женились, приносили крестить своих детей. Все они там молились, где ты молишься.

Стало быть церковь не то, что всякий другой дом.

В иной дом ты сам не пойдёшь, в иной тебя не пустят. В ином доме у тебя друг, в ином враг. Но в церковь Божию все входят: и знакомые, и незнакомые, и родные и неродные, и други и недруги, и часто враги, предстоя в одно время пред престолом Божиим, умиляются сердцем и забывают об обидах.

1898

Source: Grigor'ev L., B. Olenin. *Russkoe slovo. Rukovodstvo dlja obučenija russkomu jazyku v tex školax, v kotoryx deti pri postuplenii ne umejut govorit' po-russki*. Vypusk tretij. 3-'e izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe. Riga: Izdanie K. G. Zixmana, 1898, 6.

Посев

Давно пришла пора сеять, да время стояло ветренное. Мужики, хотя и говорили, что “уйдет пора – не воротишь”, однако за посев не принимались.

“А что,” спросил я у соседа Карпа: “никак уж ты две недели справляешься сеять?” Две недели справляюсь, это правда, батюшка, да вишь все ветренное время стоит, – сеять никак нельзя.” – “Неужели так-таки и нельзя?” спросил я опять соседа. – “Ветрено – нельзя уж это дело известное.” – “Однако попробуем,” сказал я Карпу: “Возьми семена да лукошко и пойдем в поле – ведь тут близко.” Мужик согласился итти.

В поле я поставил Карпа спиной к ветру, пустил его и сказал: “а ну ка сей, что будет?” – Он прошел до конца поля и стал. – “Этак-то можно,” говорит он, “да вот теперь-то как?? – Я снова взял его за руку, привел на прежнее место, опять оборотил его от ветра и пустил. – “Ну, теперь сеять можно?” – “Можно, да этак тяжело, потому что один конец попусту приходится итти.” – “Верю, что тебе легче две недели на полатах пролежать; однако постарайся окончить свое дело и тогда увидишь, что ходить-то приходится не попусту.” Мужик послушался, и в тот же день засеял всю полосу.

Через неделю красная щетинка все Карпово поле покрыла, а у соседей его к тому времени еще не был высеян свой хлеб: все еще ветер мешал. Зато у соседей хлеб родился сам-четверть да и поменьше, а у Карпа он пришел в заком сам-пять с половиною.

1898

Source: Grigor'ev L., B. Olenin. *Russkoe slovo. Rukovodstvo dlja obučenija russkomu jazyku v tex školax, v kotoryx deti pri postuplenii ne umejut govorit' po-russki*. Vypusk tretij. 3-'e izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe. Riga: Izdanie K. G. Zixmana, 1898, 125.

Русский солдат

Императору Петру I случилось однажды беседовать с королем датским. Государи разговорились о том, чьи солдаты лучше знают службу и военную дисциплину. Король остаивал своих и уверял, что солдаты его, издавна привыкшие к военному порядку, должны быть лучше русских, которые в то время только набраны были из крестьян. “Не спорю,” сказал Государь Королю, “что мои новобранцы в чем-нибудь и уступят вашим гренадерам. Главное достоинство воина заключается в слепом и безответном послушании; солдату скажешь сделай то, он сделает; полезай туда-то, он лезет без думы, без оглядки; знает, что за голову его отвечает тот, кто его послал, а самому ему об этом беспокоиться нечего. В этом-то деле мои молодцы за пояс заткнут кого угодно.” – “Нет,” отвечал Король: “и в послушании мои не уступят вашим; я в них уверен.” “А, коли так, Ваше Величество,” сказал Император, “так сделайте сейчас опыт; да только вот какой: позовите вы на выдержку солдата своего из караула да прикажите ему выскочить вон из этого окна; а там я позову своего и велю ему сделать то же; посмотрим что будет.” Король согласился, велел позвать своего солдата и приказал ему выскочить в окно. Окно было в третьем этаже; солдат глянул и стал просить помилования; а когда Король настаивал, то солдат просил позволения сходить сперва домой и проститься со своими: “уж я,” говорит, “их больше не увижу.” Король похвалил его за послушание и отпустил.

Затем Государь позвал гренадера с гауптвахты. Гренадер вошел. “Здорово, товарищ!” – “Здравия желаю Вашему Императорскому Величеству!” – “Подойди сюда!” – “Гренадер подошел. – “Прыгай сейчас в окно, да с разбегу!” – “В которое прикажете, Ваше Величество, в это?” – “Да, в это.” И гренадер в один миг вскочил уже на подоконник, перекрестился и рынулся было головою вперед, так что Государь едва успел ухватить его за ноги.

Государь обнял его, одарил и отпустил, а Король пожал плечами и сказал: “Завидую Вам, Государь, что у Вас такие солдаты.”

1902

Source: Andreev, N. *Detskij drug. Rukovodstvo k obučeniju russkomu jazyku v tex školax, v kotoryx deti pri postuplenii ne umejut govorit' po-russki*. Č. II. Pervaja posle azbuki kniga dlja čtenija. II-oe ispravlennoe i dopolnennoe izdanie. Riga: Izdanie Ionk i Polievskago, 1902, 85.

Работай до поту, покушаешь в охоту

“Похлебка сегодня не хороша!” говорила Настя, сидя за обедом, и положила ложку: “я не хочу ее есть!” – “Ну, теперь некогда мне варить другую,” отвечала мать: за ужином будет похлебка повкуснее.” После обеда мать с дочерью пошли на огород. Мать вынимала картофель, а Настя укладывала его в мешок. Так проработали оне до вечера. Вернувшись домой, мать поставила на стол похлебку. Настя отведала ее. “А! вот это совсем другая похлебка,” сказала она и принялась есть. Мать засмеялась и отвечала: “Это та же самаа похлебка, которую ты не хотела есть за столом; теперь она кажется тебе вкуснее только потому, что после обеда ты была на свежем воздухе и прилежно работала.”

1926

Source: Purčeladze, Solomon Davidovič. *Živaja strujka. Učebnik russkogo jazyka*. Tiflis: Gosudarstvennoe izdatel'stvo S. S. R. Gruzii, 1926, 147.

Картофель

Приезжает к помещику друг из-за границы и говорит:
– Смотри, я тебе привез картофель, в Европе он почти заменяет хлеб.
Поблагодарил помещик друга. Посадил картофель.
Вырос картофель: показались цветы.
– Вот, – думает хозяин, – завянут цветы, а там и должны показаться плоды.
Завяли цветы, вместо цветов показались шарики величиною с орех. Собрали зеленые шарики, обжарили в масле и посыпали сахаром.
Позвал к себе помещик гостей, хочет удивить заграничным кушаньем.
Взяли гости в рот картофель, не могут проглотить.
Велел помещик позвать огородника.
– Петр, сегодня же, чтоб ни одной картошки не было, все выбрось! Когда огородник вырывал картофель, увидел клубни.
– Дай, думает, испеку.
Оказалось вкусно.
Попробовал помещик и хлопнул себя по лбу:
– Дурак я, надо было собирать не вершки, а корешки.

1933

Source: Smirnitsky, A. I., M. A. Solonino, P. P. Sveshnikov & I. A. Figurovsky. *Russian for English Speaking Workers*. First Year Course. Moscow: Co-operative Publishing Society of Foreign Workers in the USSR, 1933, 44.

Строительство социализма – наше общее дело

Товарищ Бернс – английский рабочий. Товарищ Грин, товарищ Дэвис и я – американские рабочие. Ты русский рабочий. Мы живём и работаем в СССР. Рабочие и трудящиеся разных национальностей строят здесь новое общество, социалистическое общество. В СССР много разных национальностей, но здесь нет национальной вражды, потому что здесь, в СССР, действительное равноправие национальностей. Только в СССР действительное братство народов.

Мы – иностранные рабочие, вы рабочие СССР, но строительство социализма в СССР – наше общее дело, потому что успешное строительство социализма в СССР – первая решительная победа социализма во всем мире.

1933

Source: Smirnitsky, A. I., M. A. Solonino, P. P. Sveshnikov & I. A. Figurovsky. *Russian for English Speaking Workers*. First Year Course. Moscow: Co-operative Publishing Society of Foreign Workers in the USSR, 1933, 58.

Иностранные языки в массы

Ты живёшь в СССР и работаешь на заводе. На заводе, где ты работаешь, есть и другие иностранные рабочие, англичане и американцы. Вы все хорошо знаете только английский язык и еще плохо говорите по-русски. Это затрудняет ваше активное участие в общественной жизни. Другие рабочие на заводе говорят по-русски. Некоторые товарищи хорошо знают и русский и английский язык. Вы говорите по-английски, а они или специальные переводчики, переводят на русский язык. А когда говорит русский товарищ, они переводят на английский язык. Но это не вполне

удовлетворяет вас. Вы изучаете русский язык. Теперь ты уже немного читаешь и говоришь по-русски, и другие товарищи также. Вы все понимаете, как важно знать иностранные языки. Это знание укрепляет интернациональную сплоченность пролетариата. Рабочие СССР хорошо понимают это. Очень многие рабочие СССР изучают английский и другие иностранные языки. В СССР есть лозунг: “Иностранные языки в массы”.

1938

Source: Marnitz L. v. *Russisches Elementarbuch. Verkürzte Nebenausgabe B in neuer Rechtschreibung. Zehnte verbesserte Auflage.* Bearbeitet von Dr. Edgar Spinkler. Leipzig: Verlag von Raimund Gerhard, 1938, 70-73.

§ 39. Сцѣнка из совѣтскаго быта.

По сообщеніям совѣтской граждѣнки, выѣхавшей с юга Россіи в 1936 (тысяча девятьсот тридцать шестом) году.

Карточки на хлеб хотя и были отменены, но зато вдвое поднялась и цена: чѣрный хлеб стали продавать по рублю за килограмм, сѣрый по 1 р. 70 к. (рублю семидесяти копѣек), а бѣлый по 2 р. 80 к. (два рубля восьмидесяти копѣек).

Очереди, конечно, сохранились, главным образом при покупке чѣрнаго хлеба. Хлѣбные лавки обыкновенно темные клетушки, где очередь в десять человек уже заполняет помещеніе, а поэтому часто «хвосты» выходят за дѣри лавки на тротуары. Без конца в лавку входят люди, которые стоять в очереди не желают, то военные, то милиционеры.

Купивши хлеб, вы должны спрятать его подальше в сумку от беспризорных, которые уже стерегут выход из лавки и, как стоя голодных воронят, набрасываются или на маленькаго покупателя хлеба, или на сумку непредусмотрительной хозяйки, которая положила хлеб на слишком видное мѣсто.

Очереди часто скопляются в лавках из-за несвоевременной доставки хлеба. Транспорт во всех видах — это самое слабое мѣсто в совѣтском государствѣ. Бывают такіе случаи: занимаешь очередь, дѣло пустяковое — чело-

¹ С. 43, ѡбщ. 2.

вѣкъ десять. Конечно, это ничто по сравненію с очередями, когда вы были сто двадцатым или сто пятьдесятым. Но дело в том, что хлеб только ещё подвозят и вам приходится ждать, пока будет выгружен целый воз хлеба. Хорошо ещё, если приёмка пройдёт поштучно, а иногда привёзший сдаёт хлеб продавцу по весу и приходится стоять и ждать, когда всё будет взвѣшено и уложено на полки, и только тогда начинают отпускать хлеб. Очередь в это время расстраивается: кто, прислонившись к стене, читает газету, кто дѣлится со знакомыми послѣдними новостями, чисто, конечно, семейного характера, о «политике», т.-е. (то есть) о хозяйственных и продовольственных затрудненіях не говорят. Но и не говоря о политике, можно навлечь на себя подозрѣние, как показывает слѣдующій анекдот. Стоят два совѣтских гражданина. Один вздохнул, другой тоже вздохнул и оба молчат. Тогда милиціонер говорит, обращаясь к вздыхающим: «Товарищи, прошу не говорить о политике!»

§ 40. О назначении русских.

Из «Дневника писателя» Достоевского.

У нас, русских, две родины: наша Русь и Европа. Величайшее из величайших назначений, уже сознанных русскими в своём будущем, есть назначеніе общечеловѣческое, есть общеслуженіе человѣчеству, — не Россіи только, не общеславянству только, но всечеловѣчеству.

С петровской реформой явилось расширеніе взгляда беспримѣрное, — и вот в этом и весь подвиг Петра (Великого). Мы разом устремились тогда к самому жизненному воссоединенію, к единенію всечеловѣческому! Мы не враждебно, а дружественно, с полною любовью приняли в душу нашу гении чужих націй, всех вмѣсте.

Что же это за расширеніе взгляда, в чём оно и что означает? Это — почти братская любовь наша к другим народам, выжитая нами в полтора вѣка общенія с ними;

это — потребность наша всеслужения человечеству, даже в ущерб иногда собственным и крупным ближайшим интересам, это — примирение наше с их цивилизациями, познание и извинение их идеалов, хотя бы они и не ладили с нашими, это — нажитая нами способность в каждой из европейских цивилизаций, или, вернее, в каждой из европейских личностей открывать и находить заключающуюся в ней истину, несмотря даже на многое, с чем нельзя согласиться. Это, наконец, — потребность быть, прежде всего, справедливыми и искать лишь истины.

Всё то, что они (= западники¹) желают в Европе (d. h. Herrschaft der sozialen Gerechtigkeit), — всё это давно уже есть в России, по крайней мере в зародыше и в возможности, и даже составляет сущность её, только не в революционном виде, а в том, в каком и должны эти идеи всемирного человеческого обновления явиться: в виде божеской правды, в виде Христовой истины, которая когда-нибудь да² осуществится же на земле, и которая всецело сохраняется в православии.

Да, назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только, в конце концов, стать братом всех людей, всечеловеком, если хотите.

1938

Source: Kułakowski, S. *Druga książka do nauki języka rosyjskiego*. Lwów, Warszawa: Książnica Atlas, 1938, 60-63.

IV. Тэксты.

А.

МОСКОВСКИЕ ПАТРИЦИИ.

Мечта о внеклассовом обществе точно так же, как мечта о золотом веке, издавна пленяла человечество как идеал. Пленяла она и русских, среди которых, как и у других народов, один класс общества истари отличался от другого. В средневековой России, где образцом плутократической республики, оставшемся в памяти народа до-сих-пор, был Великий Новгород, деление на классы, как и на Западе, было очень заметно. Реформы Петра Первого на рубеже семнадцатого и восемнадцатого столетий демократизировали (с нашей точки зрения) Россию и освободили её от многих предрассуд-

ков старины. Московские купцы стали теми-же гражданами государства, что и дворяне.

В середине восемнадцатого века первым русским театральным деятелем был Феодор Волков (родом из Ярославля, ярославского города), а еще раньше купец из Нижнего Новгорода, Кузьма Минин, организовал в тысяча шестьсот тринадцатом году войско, восстановившее государственную систему в Москве. Оба они происходили из купеческих семейств.

Если вспомнить, что творцом настоящего русского театрального репертуара был в середине девятнадцатого века Александр Островский, который черпал материал для своих драм из жизни купцов, если вспомнить, что старообрядцы или раскольники (сторонники средневекового русского церковного уклада) были главным образом не аристократы, но купцы, то ясным станет крупная роль купечества в России. Да и реформатор русского театра на пороге нашего века, Константин Сергеевич Станиславский (настоящая фамилия — Алексеев), тоже был из купеческой семьи. Московские купцы гордились Москвой, которую москвичи (или москвитяне, то-есть русские) пятьсот лет назад называли „третьим Римом“, третьей столицей мира.

„Петербург — чиновник, Москва — капитал“, „Петербург пишет — Москва делает“, „Москвой вся Россия держится“, „Петербург чужие деньги тратит, Москва — свой проживает“.

Эти московские пословицы создал московский обыватель.

Когда польский поэт Адам Мицкевич выражал неприязнь к городу Петра Первого, он и не знал, что московские друзья его (и вообще русские друзья, к которым он обращался) тоже не очень любили северную столицу России, считая Москву настоящим русским го-

родом. Многие русские культурные люди признавали только Москву, многие из русских повторяли легенду о том, что Петербург, построенный на болоте, пропадет, погрузится в эти болота.

И вот, среди московских купцов выдвинулись многие культурные деятели. Третьяковы собрали галерею картин русских художников, как и Щукины, из которых один собрал галерею французских новейших живописцев, равной которой нет и во Франции. Цветковы, Абрикосовы, Рябушинские много денег вложили в процветание русской культуры. Солдатенковы и Сабашниковы были крупными издателями, а Морозовы.. вот Морозовы миллионы золотых рублей легко отдавали на все культурные дела. Маргарита Кирилловна Морозова сама создала издательство „Путь“¹⁾, сосредоточив вокруг него философов-идеалистов и религиозных философов, которые в своем творчестве были наследниками русского философа и поэта, Владимира Соловьева, друга Польши и глубокого мудреца в истории современного христианства.

Многие старые московские усадьбы куплены такими купцами. Савва Мамонтов купил „Абрамцево“, где раньше жил славянофил Иван Аксаков, где бывали многие русские поэты и писатели, в том числе и Гоголь. Он поддерживал творчество многих русских современных живописцев, как: Серова, Врубеля, Левитана и других, многих писателей, как Чехов.

А еще раньше торговцы чаем, Боткины, сыграли в русской культуре выдающуюся роль: Василий Петрович был другом прозаика Тургенева, поэта Фета, писателя и мыслителя Льва Толстого.

Савва Мамонтов, вместе с Сергеем Дягилевым, двою-

¹⁾ „Путь“ = szlak.

родным братом известного литератора и просвещённого деятеля Дмитрия Философова, создал новый журнал русского искусства и литературы „Мир Искусства“¹⁾. А Дягилев был создателем русской оперы и русского балета в Европе, где работали у него и многие поляки, как Нижинские, Вуйциковский и другие.

Много было тёмного в жизни русских купцов, но много и светлого, а главное — широкий размах во всём, открытая душа, умение не только взять от другого, но и дать другим на дела просвещения, на дела культуры, в которых нет разницы между сословиями, между людьми, а есть лишь человеческое чувство необходимости творчества на благо всех людей без исключений.

Таковы были эти московские патриции, о которых можно много рассказать.

Вопросы.

Какая была роль русских купцов в культурной жизни? Чем известны Кузьма Минин и Фёдор Волков? Кто такие старообрядцы? Что сделал Станиславский для русского театра? Какая была роль Москвы в русской культуре? Какую пользу русской культуре принесли московские купцы перед войной 1914 года? Что сделал купец Мамонтов? Чем известны купцы Боткины? Кто такой Дягилев? Какова задача каждого, кто хочет служить делу культуры?

Ответы письменно.

1938

Source: Kułakowski, S. *Druga książka do nauki języka rosyjskiego*. Lwów, Warszawa: Książnica Atlas, 1938, 190-193.

С.

НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО СЕВЕРА.

Из очерка художника Ивана Билибина.

Обыкновенно, когда говорят о русском севере, подразумевают, главным образом, три губернии: необъятную Архангельскую, громадную Вологодскую и Олонецкую, хотя, на самом деле, и северная часть Тверской губернии, Новгородской и Костромской принадлежат к тому же Русскому Северу.

Это край бесконечных лесов и больших и спокойных рек, катящих свои воды на север.

Западная часть севера, Олонецкая губерния, испещрена неисчислимыми озерами, и почти все они носят имена слитые со словом озеро, которое ставится в конце; например: Кенозеро, Сегозеро, Почозеро и т. д.

В Вологодской-же губернии зарождается река Сухона; недалеко от города Великого Устюга сливается

она с Вытегрой, текущей в широкую и величавую царницу Севера, Северную Двину, и несёт свои воды в Белое Море. Много рек впадает в неё, и все они вбирают в себя воды многих и многих средних и малых рек сйними лентами извивающихся среди дремучих лесов, где и берут своё начало в виде прохладных и прозрачных лесных ручьёв.

Деревни, сёла и города расположены вдоль по рекам, как нити бус, а между одной нитью и соседней — сплошные леса. Поля и пашни тянутся узкой лентой вдоль речных берегов, за деревнями неглубоко внутрь страны, а потом начинается лесная стена, через которую пробиты редкие и трудно проезжие дороги, соединяющие одну речную полосу селений с другой соседней. Иногда приходится ехать верст сто лесом от одной реки до другой. Леса — хвойные: ель и сосна; деревья громадные, уходящие в небо. Дороги плохие. Много топких мест, и тогда они бывают покрыты гатью, то-есть тонкими поперечными брёвнышками в ширину дороги, уложенными тесно одно к другому. Больше, чем три версты в час в тарантасе по гати не проехать, и трясёт неимоверно.

Зато какое счастье, когда после долгого дня пути, ямщик, обернувшись назад, вдруг скажет:

„Ну, скоро лесу конец!“

Я помню, как я, летом 1903 года, ещё совсем юным художником, пробирался в тарантасе ¹⁾ на реку Кокшёнгу в Тотемском уезде Вологодской губернии. Лесной перегон был бесконечный; комары заедали; казалось, что никогда не окончится это царство вековых

¹⁾ тарантас — повозка, которая сделана (jest zrobiona) так, что на осях прикреплены (są przymocowane) длинные шести (drugi), чтобы меньше трясло.

вадка¹⁾ у них спокойная и величавая. Избы большие. В Вологодской, Олонецкой и Архангельской губерниях бывають они в два этажа; хоромы²⁾ а не избы! Крыты тѣсом³⁾; лесу много, лесное царство.

Наличники⁴⁾ окон часто бывають резные. Главное-же, что привлекает любителя родной старины, это — старые, деревянные церкви.

Наша страна, на протяжении всей своей многотрудной исторической жизни, была, по преимуществу, деревянная.

Каменные церкви, каменные хоромы, каменные стены и башни были принадлежностью городов, где сидели князья и богатые знатные люди, богатые и большие монастыри тоже одевались в камень; вся-же громадная и необъятная Православная Русь была деревянной; и не только дома, не только церкви, но и городские стены и башни рубились из дерева.

Налетали невзгоды, нашествия, а потом снова отстраивалась и воскресала из пепла деревянная Русь.

Вопросы.

Какие земли называют обычно (zwykle) русским севером? Какой вид (wygląd) имеют те области России? Где там строят обычно деревни и посёлки (osiedla)? Какие там леса? Много-ли рек, озёр и болот? Как путешествовал (podróżował) автор очерка по тем местностям? Какое впечатление (wrażenie) произвели на него люди и природа? Хорошо-ли там живут крестьяне (włościanie)? Из какого материала строят (budują) там дома и церкви? Как выглядят северно-русские деревенские дома и старинные (starożytne) церкви?

Ответы письменно.

¹⁾ повадка — умение держать себя (sposób zachowywania się),
²⁾ хоромы = палаты (pałace), ³⁾ тѣс — gont, ⁴⁾ наличник окна — украшение (ozdoba) вокруг окна.

Source: Đorđić, Petar. *Ruski u 100 časova. Uvođenje u ruski jezik*. Beograd: Geca Kon A. D., 1940, 53.

српскога, главно је место (положај) нагласка, док сама *врста* нагласка никада не утиче на значење речи: срп. *лѹк* и *лѹк*, а у руском само: *лѹк* за оба значења.

Добро́е нача́ло полови́на де́ла. Терпе́ние и труд всё перетру́т. Добар почетак је пола посла. Стрпљење и рад све савладају.

Побе́да кири́ллицы.

Не́сколько лет тому́ наза́д сове́товали нам пере́ходить на ла́тинский алфа́вит на том основа́нии, что в Со́ветском Сою́зе расши́ряется употребле́ние э́того алфа́вита вме́сто кири́ллицы. Действі́тельно до́лгое вре́мя обсу́ждался вопро́с об отка́зе от кири́ллицы, а в конце́ пе́рвой пятиле́тки предпола́галось пере́вести всё ру́сское книгопечата́ние на ла́тинку. Е́щё ра́ньше бы́ли заве́дены ла́тинские алфа́виты для тех наро́дностей Росси́и, ко́торые е́щё не имéли пи́сьменности. Ла́тинским бы́л заме́нен ара́бский шриф́т у магоме́танских наро́дов. Тепе́рь положéние перемені́лось. У́же веде́тся рабо́та по возвра́щению к кири́ллице. Рефо́рма нача́лась с Тата́рской респуб́лики. Моско́вская „Пра́вда“ objáняет, что заве́дение ла́тинского алфа́вита для тата́рского язы́ка бы́ло произведе́но буржуа́зными национа́листами с дво́йно́й преда́тельской це́лью: ото́рвать тата́р от госуда́рственного е́динства с ру́сским насе́лением и прине́сти вред са́мо́й тата́рской культу́ре, так как ла́тинский алфа́вит не передаёт всех о́собенностей тата́рской фонéтики.

Тата́ры сна́чала писа́ли ара́бскими, пото́м ла́тинскими, а тепе́рь долж́ны обу́читься ру́сским бу́квам.

пере́ходить пре́лазити

действі́тельно заи́ста

обсужда́лся претре́сао се

об отка́зе о укла́њању (ћирилице)

предпола́галось по́мишљало се

пере́вести окренути
книгопечата́ние
штампа́ње књига

шриф́т писмо
магоме́танский му́хамедански

веде́тся рабо́та по
возвра́щению ра́ди се на вра́ћању

произведе́но извр́шено

дво́йно́й дво́струп
преда́ТЕЛЬСКИЙ из́дајнички

ото́рвать отр́гнути
госуда́рственный др́жавни

прине́сти вред нане́сти штету

так как јер
сна́чала из почетка,
прво

должны́ обу́читься...
мора́ју научи́ти
ру́ска слова

Source: Đorđić, Petar. *Ruski u 100 časova. Uvođenje u ruski jezik*. Beograd: Geca Kon A. D., 1940, 311.

Иностранщина в языке.

Туђинштина у језику.

Величайшие враги чистоты языка, и не только русского, — люди, занимающиеся состязаниями, „спортсмены“: игроки в карты и шахматы, в большой мяч (футбол), в лапту (теннис), лошадиники, бегуны, борцы и прочие. По мере того, как подобные состязания делаются международными, происходит вавилонское смешение языков, при чём перевес в отдельных случаях берёт та страна, в которой данная игра особенно развита. Человек со стороны, в играх неискusstный, никогда не поймёт языка состязаний, тем более, что не только вводятся слова недостающие (или кажущиеся недостающими), всякие матчи, менеджеры, форварды и гандикапы, но и обыкновеннейшие действия выражаются калеченными глаголами (финишировал — вместо закончил, доминирует — вместо господствует). Любопытно, что, при малой человеческой изобретательности, почти в каждом языке достало бы собственных слов, а уж в русском в особенности. Но постоянное общение разных народностей в этих состязаниях неизбежно создаёт путанный, но удобный язык, удобный, конечно, для тех, кто привык на нём выражаться. То же происходит в мире философов, техников, дипломатов, торговцев, — и ничего с этим не поделаешь, да и делать не стоит. Всё равно когда-нибудь человечество будет говорить на одном языке.

Из газеты.

состязание утакмица

игрок играч

мяч лопта

лапта ракет

лошадник љубитељ

коња

бегун тркач

и прочие (скраћено:

и пр.) и други

по мере того уколи-

ко

подобный сличан

делаться постајати

перевес превага

особенно нарочито

игрище игралиште

матч меч

гандикап хендикап

калечить сакатити

господствовать вла-

дати

любопытно заним-

ливо

изобретательность

довитљивост

достало бы нашло

би се

постоянный сталан

общение додир

создавать стварати

путанный замршен

удобный згодан

ничего не подела-

ешь ништа се не

може

1945

Source: Potapova, Nina. *Russian. Textbook of the Russian Language for English-Speaking People*. Part I. Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1945, 165-166.

Сигнал

Шел однажды сторож Семен лесом. Солнце уже было низко; вокруг было тихо. Но показалось Семену, будто где-то стучат по железу.

Вышел Семен из леса прямо к полотну железной дороги и видит: на полотне сидит какой-то человек и отворачивает ключом гайки. Потом увидел Семен, как человек встал и двинул ломом рельс в сторону.

Семен бросился вперед, но человек с ломом и ключом побежал прочь. В это время на фабрике раздался гудок. Семен знал, что после гудка должен пройти пассажирский поезд...

Что было делать? Без инструмента рельс нельзя поставить на место. Как остановить поезд? Для сигнала нужен красный флаг, но флага у Семена нет.

Между тем паровоз и вагоны уже показались вдали. Семен быстро вынул из кармана платок, потом нож. Он ударил ножом себе по руке. Из раны потекла кровь. Семен прижал к ране платок, а потом привязал мокрый платок к палке. Красный флаг был готов.

Семен стал махать флагом. Поезд был уже совсем близко, но кровь из раны текла так сильно, что Семен не мог стоять. Он упал с флагом в руке.

Но машинист уже увидел сигнал и остановил поезд. Пассажиры толпой бросились к паровозу, чтобы узнать в чем дело. И они увидели: лежит на земле раненый человек и едва держит рукой окровавленный флаг.

1945

Source: Potapova, Nina. *Russian. Textbook of the Russian Language for English-Speaking People*. Part I. Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1945, 184-185.

Ленин на охоте

Владимир Ильич Ленин очень любил охоту.

Однажды зимой, в хороший морозный день, московские охотники устроили охоту на лисиц.

Лес был разделен на участки. Разноцветные флажки показывали, где каждый из охотников должен будет стрелять.

В.И. остановился у поляны за огромной сосной.

Кругом было удивительно красиво. Поляна. Лес. Зимнее солнце золотило снег на ветках.

Где-то прогремел далекий выстрел.

На мгновение стало тихо.

Но вдруг собаки отчаянно залаяли.

Прямо на Ленина выбежала лисица. Это была красивая рыжая лиса. Особенно хорош был ее огромный пушистый хвост. Лисица остановилась и несколько секунд стояла неподвижно. Ленин поднял ружье, чтобы выстрелить, но тотчас же опустил.

Лисица вильнула хвостом и исчезла за соснами.

К Ленину бежал старый охотник и кричал:

– Что же вы не стреляли, В.И.? Ведь она рядом стояла!

Ленин улыбнулся и ответил:

– Не мог выстрелить. Уж очень она красивая. Пусть живет.

1952

Source: Tagamlickaja, G. & A. Davydova. *Russkij jazyk. Učebnik dlja V klassa srednej školy*. Sofija: Narodna prosveta, 1952, 58.

На границе

Два пионера, Андрей и Ваня шли по лесной тропинке. Солнце только что зашло.

Вдруг они услышали какой-то шум.

– Кто-то идет! – сказал Ваня. – Давай спрячемся.

Через несколько минут пионеры увидели высокого человека в кожаной куртке. Он шел медленно и оглядывался.

– Это чужой человек – сказал Андрей тихо.

– Знаешь что, Ваня, я останусь здесь и буду наблюдать за ним, а ты сообщи на заставу.

– Ладно, – ответил Ваня. – А ты не боишься?

– Вот еще! Ведь я пионер!
Ваня побежал на заставу. Скоро он вернулся с тремя пограничниками.
– Где же человек? – спросил сержант.
– А вон там, сидит под деревом у самой речки, – показал Андрей.
– Вижу, вижу! Молодцы, ребята!
Через полчаса пограничники задержали незнакомца. Он оказался шпионом. У него нашли карту, компас, маленький радио-передатчик и несколько бомб.
Пионеров наградили подарками.

1952

Source: *Manual popular de limbă rusă pentru uzul cursurilor populare. Ciclul I.* [București]: Editura Arlus „Cartea rusă”, 1952, 39.

Мы строим социализм

Рабочий класс – самый передовой класс.
Рабочий класс ведет трудовой народ.
Трудовой народ строит социализм.
Мы строим канал Дунай-Черное море, гидроэлектростанцию имени В. И. Ленина, полиграфический комбинат «Дом Скынтеи». Борьба за мир и социализм – наше дело.

1952

Source: *Manual popular de limbă rusă pentru uzul cursurilor populare. Ciclul I.* [București]: Editura Arlus „Cartea rusă”, 1952, 46-47.

Наш завод

Это наш завод. Мы работаем здесь.
Теперь утро. Мы идем на завод.
Вот товарищ Попеску; он токарь-стахановец. Он применяет советские методы работы. Это товарищ Николау, он механик-ударник.
Вот наш директор и наш инженер.
Вот и наш завод. Это двор. Здесь уголь, там железо и чугун.
Это большое окно – наш цех. Это дизель-мотор, а это динамо-машина.

Это советские машины.

Мы идем в цех.

Вот призывы:

Да здравствует румыно-советская дружба!

ДА здравствует великий Сталин!

Да здравствует товарищ Георге Георгиу-Деж!

Вот наша стенгазета. Вот план и график.

– Где твой станок?

– Мой станок здесь, налево.

Теперь семь часов. Мы слышим гудок.

Мы работаем восемь часов.

Наш завод перевыполняет план.

